

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	7
Уборка хмеля. Дневник 25 августа 1931 — 8 октября 1931.....	9
Дорога на Уиган-Пирс. Дневник 31 января 1936 — 25 марта 1936.....	31
Домашний дневник. Том I 9 августа 1938 — 28 марта 1939, с которым перемежается	
Марокканский дневник 7 сентября 1938 — 28 марта 1939.....	85
Марокканский дневник 7 сентября 1938 — 28 марта 1939.....	96
Марракешский блокнот	166
Домашний Дневник Том I. Продолжение 10 апреля 1939 — 26 мая 1939	169
Домашний дневник Том II 27 мая 1939 — 31 августа 1939, с которым перемежается	
Дневник событий, ведущих к войне 2 июля 1939 — 3 сентября 1939	183
Дневник событий, ведущих к войне 2 июля 1939 — 3 сентября 1939	199
Домашний дневник Том II. Продолжение 5 сентября 1939 — 29 апреля 1940	273
Дневник военного времени 28 мая 1940 — 28 августа 1941	323
Второй дневник военного времени 14 марта 1942 — 15 ноября 1942.....	417
Дневники с Джурры.....	477

Домашний дневник, том III	
7 мая 1946 — 5 января 1947	477
Домашний дневник, том IV	
12 апреля 1947 — 11 сентября 1947	547
Домашний дневник, том V	
12 сентября 1947 — 29 октября 1947	617
Краткое содержание дневниковых записей Аврил	
27 декабря 1947 — 10 мая 1948	633
Записи из блокнотов Дж. Оруэлла	
ок. 20 февраля 1948 — 21 мая 1948	635
Домашний дневник, том V	
31 июля 1948 — 24 декабря 1948	643
Записи из последнего Литературного блокнота Дж. Оруэлла	
21 марта 1949 — сентябрь 1949	675
Краткий список литературы	683
Предметно-именной указатель	687

ВВЕДЕНИЕ

Джордж Оруэлл усердно вел дневник, составлял списки, заносил в записные книжки свои соображения, наброски стихов («Это было во вторник утром», «Джозеф Хиггс, умерший в этом приходе»), копировал информацию и клеил вырезки из газет с рецептами, советами садоводу и т. п. Он составлял списки националистических лидеров, популярных песен, фраз на латыни, французском и других языках. Хорошо известен его список людей, которых он считал «криптокоммунистами» и «попутчиками», сохранился обширный список книг, прочитанных им в последний год жизни. Много лет он собирал брошюры (теперь они в Британской библиотеке) и начал составлять их каталог. Он аккуратно записывал все свои литературные гонорары для налоговых деклараций. К сожалению, сохранились отчеты о заработках только с июля 1943 г. до декабря 1945 г. — как ни странно, в блокноте Эйлин того времени, когда она работала в правительственном отделе цензуры. Обычно он не оставлял рукописи опубликованных произведений; те, что уцелели (например, машинописные экземпляры «Скотного двора» и «1984»), сохранились, вероятно, только потому, что он не успел уничтожить их перед смертью. Дневники, однако, он хранил, и часто в машинописном виде. До нас дошло одиннадцать. Дневники не интимного характера, не зашифрованные, как у Пипса¹, — в них без обиняков рассказывается о жизни Оруэлла, его наблюдениях за природой и современными политическими событиями. В сентябре 1939 года, когда он отсутствовал в Уоллингтоне, Домашний дневник вела за него Эйлин, а зимой 1947–1948 гг., когда он был в больнице, сведения о погоде и работах в Барнхилле записывала его сестра Аврил.

Практически нет никаких сомнений в том, что двенадцатый и, возможно, тринадцатый дневники спрятаны в архиве НКВД в Москве. В марте 1996 г. профессор Миклош Кун, внук венгерского коммунистического лидера Белы Куна, сказал мне, что НКВД следил за Оруэллом и он знает, что там в архиве есть его дело. (Бела Кун разошелся с советскими властями и, вероятно, был расстрелян 29 августа 1938 года, хотя, по официальным советским источникам, умер в тюрьме 30 ноября 1939 г.) К сожалению, архив был закрыт и ознакомиться с ним было невозможно. Второго августа 1937 года Оруэлл писал Чарльзу Дюрану, что документы были изъяты в номере его жены в барселонском отеле «Континенталь». В «Памяти Каталонии» говорится, что шесть полицейских в штатском забрали «мои дневники». Учитывая стойкую привычку Оруэлла

¹ Сэмюэл Пипс (Пепис) (1633–1703) — чиновник Адмиралтейства, член парламента. — *Прим. пер.*

вести дневник, не исключено, что он вел дневник, когда служил полицейским в Бирме; но маловероятно, что такой найдется. В Домашнем дневнике 1 июня 1946 года Оруэлл упоминает о рецепте выделки кроличьих шкур «из другого дневника», но из какого, не выяснено. Несмотря на очевидные утраты, эти одиннадцать дневников и дневниковые записи в двух блокнотах дают представление (с упомянутыми лакунами) о жизни Оруэлла, начиная с уборки хмеля в 1931 году и до его последних дней в больнице.

Дневниковые записи Оруэлла с 9 августа 1938 года с отличными картами его путешествий того же времени публиковались — день в день — ровно семьдесят лет спустя на сайте The Orwell Prize, www.orwelldiaries.wordpress.com.

Представляя здесь дневники Оруэлла, я стремился сохранить его характерные особенности как автора дневников, а не как писателя-перфекциониста и в то же время сделать текст легко читаемым. Несущественные ошибки правописания исправлены без комментариев. В тех местах, где дневник вела Эйлин, их заметно меньше. Людей, обозначенных инициалами, я в меру сил постарался идентифицировать и дать расшифровки в квадратных скобках, например: А[врил], Б[илл]. Там, где Оруэлл перепечатывал дневник, отмечены лишь несколько интересных разночтений. Поправки, сделанные его рукой в машинописных текстах, учтены без комментариев. Подробности можно найти в двадцатитомном Полном собрании сочинений Оруэлла (Complete Works of George Orwell). Отсылки к Полному собранию в сносках отмечены буквами CW с номерами тома и страниц. Здесь сноски существенно расширены по сравнению с Полным собранием.

Глубокая благодарность Фонду наследственного имущества Оруэлла, в частности Ричарду Блэру, Биллу Хэмилтону и Биллу Ферлонгу, хранителю архива в Библиотеке специальных собраний Университетского колледжа Лондона, за разрешение опубликовать дневники в таком виде. Я также очень благодарен Майре Джонс за пристальное чтение корректуры.

И последнее: притом что Оруэлл был решительно против написания его биографии, эти дневники, в сущности, описывают его жизнь и мнения на протяжении многих лет.

Собственные примечания Оруэлла даны в постраничных сносках. Также внизу страниц идут немногочисленные комментарии переводчиков и редактора русского издания. Примечания составителя помещены для удобства по возможности близко к самому тексту.

УБОРКА ХМЕЛЯ

Дневник 25 августа 1931 — 8 октября 1931

Джордж Оруэлл родился 25 июня 1903 года в Мотихари, Бенгалия; отец — Ричард Уолмси Блэр, сотрудник Опиумного департамента британской колониальной администрации; мать — Ида Блэр. При крещении был наречен Эриком Артуром. У него была старшая сестра Марджори. В 1904 году дети переехали в Англию и поселились в Хенли-на-Темзе. Снова он увидел отца летом 1907 года, когда тот приехал в отпуск. Младшая сестра Аврил родилась 6 апреля 1908 года. В 1912 году, когда отец вышел в отставку, семья переехала в Шиплейк, Оксфордшир; там Оруэлл подружился с семейством Баддикомов, в особенности со старшей дочерью Джасинтой. Карту района, где они жили и играли, можно найти в книге Джасинты Баддиком «Эрик и мы» (*Eric & Us*. См. в особенности второе издание с послесловием Дайони Венеблс, 2006). Сначала с Оруэллом занимались англиканские монахи, потом его отдали в приготовительную школу Св. Киприана в Истбурне (которую он ненавидел и описал в знаменитом эссе «О радости детства...» (*Such, Such Were the Joys*). Там он написал два патриотических стихотворения, они были опубликованы в газете *Henley and South Oxfordshire Standard*). Затем, получив стипендию, он проучился семестр в Веллингтонском колледже, после чего королевским стипендиатом поступил в Итон. После Первой мировой войны семья Блэров переехала в Саутуолд на побережье Суффолка.

С октября 1922 года до декабря 1927-го Оруэлл служил в Индийской имперской полиции в Бирме. Этот опыт нашел отражение в романе «Дни в Бирме» и двух самых важных ранних эссе: «Убийство слона» и «Казнь через повешение». Вернувшись в Англию в отпуск, он уволился — отказался от неплохо оплачиваемой работы ради того, чтобы стать писателем и зарабатывать чем придется. Он бродяжничал, несколько раз совершал вылазки в лондонский Ист-Энд, чтобы узнать жизнь бедняков и побыть в их шкуре. С весны 1928 года до декабря 1929-го поначалу он жил в рабочем районе Парижа на деньги, оставшиеся от Бирмы, и написал и опубликовал несколько статей. Кроме того, он написал роман или два (его сообщения на этот счет расходятся), но уничтожил их, о чем впоследствии сожалел. Его первые статьи — все, кроме одной, опубликованные во второстепенных парижских журналах, дают представление о его литературных интересах: цензура, безработица, империалистическая эксплуатация, литература (эссе о Джоне Голсуорси), популярная культура. Остаток сбережений у него украли, и некоторое

время он работал в отвратительной кухне внешне шикарного отеля, а потом вернулся в Англию. Он поселился с родителями в Саутуолде и там написал первый вариант будущей книги «Фунты лиха в Париже и Лондоне», писал рецензии для журнала «Адельфи», продолжал бродяжничать и жить среди нищих. Осенью 1931 года он отправился в Кент убирать хмель, и в этом первом дневнике запечатлен его опыт. Дневник печатается здесь по машинописному варианту, законченному Оруэллом 10 октября 1931 года. Копию его он послал своему другу Деннису Коллингсу в Саутуолд. Коллингс (1905–2001) был антропологом, в 1934 году он стал помощником куратора Музея Раффлза в Сингапуре. Когда Сингапур захватили японцы, Коллингс бежал на Яву, но там был схвачен и посажен в лагерь. Оруэлл писал 22 января 1946 года, что видел его по возвращении и, «кажется, его заключение не было бесприсветно страшным — он был переводчиком в лагере» (CW, XVIII, p. 53). Оруэлл предполагал показать текст их общему другу Коллетту Крессуэлу Пуллейну, барристеру в Йоркшире, и Элеоноре Джейкс, к которой испытывал нежные чувства, но она вышла замуж в 1934 году за Коллингса. Оруэлл написал еще и статью «Уборка хмеля», которая была напечатана 17 октября 1931 года в еженедельнике *The New Statesman and Nation* под фамилией Эрика Блэра (CW, X, pp. 233–5); в статье была использована часть дневника. Уборкой хмеля занимается какое-то время Дороти Хейр в романе «Дочь священника» (гл. II).

Уборка хмеля. Дневник

25.8.31

Вечером 25-го отправился из Челси с 14 ш.¹ на руках и пошел в ночлежку Лью Ливи на Вестминстер-Бридж-роуд. Она почти не изменилась за три года, только кровати теперь почти все стоят шиллинг, а не девять пенсов. Виной тому вмешательство СЛГ, постановившего (в интересах гигиены, как обычно), что кровати в ночлежках должны отстоять одна от другой дальше. Есть целый ряд таких законов относительно ночлежек², но нет и не будет закона о том, чтобы кровати были мало-мальски удобны. Смысл этого закона: кровати должны отстоять одна от другой на три фута, а не на два, и потому они на три пенса дороже.

¹ Здесь и далее сокращения: ш. — шиллинги, п. — пенса, ф. — фунты стерлингов. — *Прим. пер.*

² Пример — кафе Дикса на Биллингсгейте. «Дикс» было одним из немногих мест, где можно получить чашку кофе за 1 пенс, и там были каминьы, у которых можно было греться часами, до раннего утра. Но на прошлой неделе СЛГ его закрыл на основании антисанитарии. [Примечание Оруэлла.] СЛГ — Совет Лондонского графства.

26.8.31

На следующий день я пошел на Трафальгарскую площадь и устроился у северной стены, где собирается нищий люд Лондона. В это время года меняющееся население площади насчитывает 100–200 человек (процентов десять из них — женщины); некоторые рассматривают ее как свой дом. Еду добывают, регулярно побираясь (на Ковент-Гардене¹ в 4 утра — побитые фрукты, кроме того, в женских монастырях по утрам, поздно вечером в ресторанах, роются в урнах и т. д.), «стреляя» у покладистых с виду прохожих себе на чай. Чай здесь пьют во всякое время: один предоставляет барабан, другой — сахар и т. д. Молоко сгущенное, 2,5 п. банка. Пробиваешь в ней ножом две дырки, одну прижимаешь к губам и дуешь; из другой тянется густая сероватая струйка. Потом дырки затыкают жеваной бумагой, и банка живет еще несколько дней, обрастая пылью и грязью. Горячую воду выпрашивают в кафе или ночью кипятят на кострах, но это приходится делать украдкой: полиция запрещает. Встречал людей, которые проводили на площади шесть недель без прерыва и выглядели не так уж плохо, разве что были неописуемо грязны. И как всегда, среди нищих большая доля ирландцев. Время от времени эти люди навещаются домой и, кажется, даже не думают платить за дорогу, плывут зайцами на малых грузовых судах, команда смотрит на это сквозь пальцы.

Я хотел переночевать в церкви св. Мартина², но, судя по рассказам, там допрашивает с пристрастием женщина по прозвищу Мадонна, так что решил ночевать на площади. Оказалось не так плохо, как я ожидал, но из-за холода и полицейских не мог сомкнуть глаз, да и никто, кроме нескольких закаленных бродяг, тоже не пытался уснуть. Скамеек хватало человек на пятьдесят, остальным приходилось сидеть на земле, что, конечно, запрещено законом. Каждые несколько минут раздавался крик: «Атас, полиция!» — и шел полицейский, тряс спящих и заставлял подняться с земли. Как только он проходил, мы опять пробовали прикорнуть, и продолжалась эта игра с восьми вечера до трех часов ночи или четырех утра. После полуночи стало так холодно, что приходилось подолгу ходить, чтобы согреться. В эти часы улицы жутковаты, безмолвны и пустынно и светло почти как днем из-за ярких фонарей, придающих всему мертвенный оттенок, словно Лондон — это труп города. В четвертом часу я с еще одним человеком пришел на газон позади плац-парада Гвардии и увидел проституток, лежащих с мужчинами в ледяном тумане и росе. На площади всегда обретаются проститутки;

здесь были незадачливые, которые не смогли заработать на ночлег. Ночью одна из этих женщин лежала на земле и горько плакала: мужчина ушел, не заплатив ей положенных шести пенсов. А к утру они не получают даже шести пенсов, разве что чашку чаю или сигарету. Около четырех кто-то раздобыл связку газет; шесть или восемь мы постелили на скамью, остальными упаковались в большие кули, и они согревали нас, пока не открылось кафе «Стюартс» на Сент-Мартинс-лейн. У Стюарта ты можешь сидеть от пяти до девяти с одной чашкой чая (иногда с одной чашкой на троих или четверых), и разрешается спать, положив голову на стол, до семи утра — в семь хозяин вас будит. Там собирается пестрая публика — бродяги, грузчики с Ковент-Гардена, утренние дельцы, проститутки — и постоянно случаются ссоры и драки. В этот раз старая уродливая женщина, жена грузчика, поносила двух проституток, потому что они могли позволить себе завтрак лучше, чем у нее. После каждого поданного им блюда она возмущенно выкрикивала: «Вот еще одно за случку! Копченой селедки на завтрак не кушаем, девочки? Чем, думаете, она заплатила за пончики? Этот негр поимел ее за шесть пенни» и т. д., и т. д., но проститутки почти не обращали внимания.

1. *Ковент-Гарден*: в то время и триста лет до того — центральный фруктовый и овощной рынок Лондона. В 1974 году перенесен в район Найн-Элмс, в Баттерси.

2. *Церковь св. Мартина* (на полях): St. Martin-in-the-Fields Church расположена напротив северо-восточного угла Трафальгарской площади. В ее крипте давали приют нищим. Дают и по сей день.

27.8.31

Около восьми утра мы все побрились у фонтанов Трафальгарской площади, и большую часть дня я провел за чтением *Eugenie Grandet*³, единственной книги, которую взял с собой. Вид французской книги вызвал обычные комментарии: «Ага, французская? Смачная, небось?» и т. п. Видимо, большинство англичан не представляют себе французской книжки без порнографии. Здесь нищие, кажется, читают только книги типа романов о Буффало Билле. У каждого бродяги есть с собой такая, и это что-то вроде общей библиотеки — они меняются книгами, когда попадают в работный дом.

На другое утро мы собирались отправиться в Кент, и я решил поспать на кровати — пошел в ночлежку на Саутуарк-Бридж-роуд. Стоит семь пенсов, одна из немногих в Лондоне, и удобства соответственные. Кровати пять футов длиной, без подушек (под голову кладут свернутое пальто),

населены блохами и клопами. Кухня в маленьком вонючем подвале; в нескольких футах от уборной, за столом с засиженными мухами пирожками на продажу, сидит дежурный. Крыс столько, что из-за них специально держат несколько кошек. Жильцы, по-моему, докеры, публика, мне показалось, неплохая. Среди них был парень, бледный, чахоточного вида, очевидно рабочий и любитель поэзии. Он повторял с большим чувством:

Так вещает о весне
 Кукушкин отклик, нежный зов
 В пустынной дальней стороне
 Гебридских островов⁴.
 Остальные не очень над ним смеялись.

3. *Eugénie Grandet*: «Евгения Гранде», роман Оноре де Бальзака (1834) из «Сцен провинциальной жизни».

4. «Так вещает о весне... Гебридских островов»: искаженное стихотворение Вордсворта «Одинокая жница» (1805): «Так возвещает о весне/Кукушкин оклик, нежный зов/В пустынной дальней стороне/Гебридских островов». (Пер. Игн. Ивановского.)

28.8.31

На следующий день, во второй половине, вчетвером отправились на уборку хмеля. Самым интересным из спутников был молодой человек по прозвищу Рыжий; мы по-прежнему вместе, когда я это пишу. Это сильный, атлетичный молодой человек двадцати шести лет, почти неграмотный и совсем глупый, но смелый, готов на любую проделку. За последние пять лет, когда не сидел в тюрьме, наверное, не было дня, чтобы он не нарушил закон. Мальчишкой он три года провел в Борстале⁵, вышел, в восемнадцать лет, после удачной кражи со взломом, женился и вскоре после этого поступил на службу в артиллерию. Жена умерла; через недолгое время у него случилось несчастье с левым глазом, и его уволили. Ему предложили на выбор пенсию или единоразовую сумму, он, конечно, выбрал единоразовую и спустил за неделю. После этого опять занялся грабежами и шесть раз сидел в тюрьме, но не подолгу: попадался на мелких делах; одно или два принесло ему £500. Со мной как с партнером совершенно честен, но вообще готов украсть все, что плохо лежит. Сомневаюсь, что он был умелым вором: будучи глуп, он не мог оценить риск. Очень жаль: он мог бы, если бы захотел, прилично зарабатывать на жизнь. У него хорошие задатки уличного торговца, и он много раз торговал на комиссионной основе, но, когда выдавался удачный день, сразу удирал с вырубкой. У него талант

добиваться скидок: например, всегда может уговорить мясника, чтобы отдал ему фунт съедобного мяса за два пенса. И в то же время совершенный дурак в отношении денег, не способен отложить полпенса. Любит петь песни типа «Серый домик на Западе»⁶ и говорит о покойной жене и матери со слащавой сентиментальностью. Представляется мне довольно типичным мелким преступником.

Что до двух остальных, один — двадцатилетний парень, прозвище — Молодой Рыжий. Молодой малый, симпатичный, но рос сиротой, совсем необразованный, последний год прожил большей частью на Трафальгарской площади. Другой — маленький ливерпульский еврей восемнадцати лет, беспризорник. Не помню, чтобы кто-нибудь был противнее мне, чем этот парень. Неразборчив в еде, как свинья, вечно рылся в урнах, лицом походил на какого-то грязного зверька-падальщика. Его разговоры о женщинах и выражение лица при этом были непристойны до омерзительности, почти до тошноты. Мы не могли убедить его помыться, мыл он только нос и маленький участок вокруг носа и небрежно заметил, что на нем живут несколько пород вшей. Он тоже был сиротой и бродяжничал чуть ли не с младенчества.

Теперь у меня оставалось примерно 6 ш.⁷, и, прежде чем двинуться дальше, мы купили так называемые одеяла за 1 ш. 6 п. и выпросили несколько жестяных банок — для котелков. Единственная надежная банка в этом качестве — двухфунтовая жестянка из-под нюхательного табака, и раздобыть ее непросто. У нас были хлеб, маргарин, чай и несколько ножей, вилок и пр., украденных в разное время в «Вулвортсе». За два пенса доехали на трамвае до Бромли, там «разбили бивак» на свалке, дожидаясь еще двоих, но они так и не появились. Когда стемнело, ждать перестали, но искать хорошее место для ночлега было уже поздно, и пришлось ночевать в высокой сырой траве у края игровой площадки. Холод пронизывающий. У нас было два тонких одеяла на четверых, разжигать костер было небезопасно, кругом дома, и лежали мы на склоне, так что время от времени кто-то скатывался в канаву. Унизительно было видеть, как остальные, все моложе меня, крепко спят, несмотря на неудобства, я же глаз не могу сомкнуть всю ночь. Чтобы нас не арестовали, пришлось уйти до рассвета, и только через несколько часов нам удалось добыть горячей воды и позавтракать.

5. *Борстал*: город в Кенте, где была разработана система перевоспитания малолетних правонарушителей путем наказаний, образования и обучения профессиям. Она распространилась на ряд таких заведений, была упразднена Законом о криминальной юстиции 1982 года и заменена системой исправительных центров для молодежи.

6. «Серый домик на Западе»: сентиментальная песня 1911 года, слова Д. Эрдли-Уилмота, музыка Германа Лора. Ее сделал популярной во время Первой мировой войны австралийский баритон Питер Доусон, чей прекрасный голос преодолевал акустическое несовершенство шеллачных пластинок.

7. До метрической системы один фунт стерлингов (£1) равнялся двадцати шиллингам, а шиллинг — двенадцати пенсам, так что £1 = 240 пенсам. Сейчас трудно сопоставить цены, потому что стоимость разных товаров существенно разнится. Но в грубом приближении цены 1930-х годов надо умножить на 40, чтобы получить сегодняшние цены. Тогдашние шесть шиллингов соответствуют нынешним £12.

29.8.31

Пройдя милю-другую, мы набрали на сад, и кое-кто из наших вошли туда и стали воровать яблоки. Изначально я не был к такому готов, но понял, что должен либо действовать так же, либо уйти от них; поэтому присоединился к ним. Но в первый день яблок не крал, а только «стоял на шухере». Мы двигались приблизительно в направлении Севеноукса и к обеду украли больше десятка яблок и слив и пятнадцать фунтов картошки. По дороге, когда попадалась булочная или кафе, некоторые заходили и просили еды; набралось порядочно поломанного хлеба и кусочков мяса. Когда остановились, чтобы разжечь костер и пообедать, появились двое бродяг-шотландцев, воровавших яблоки в соседнем саду; долго с нами разговаривали. Разговоры вертелись вокруг секса — в гнусном тоне. Бродяги отвратительны, когда говорят на эти темы: нищета лишает их женщин, и сознание их отравлено непристойностью. Просто похотливые люди еще выносимы, но похоть, не находящая разрешения, чудовищно портит людей. Они напоминают мне собак, завистливо кружащих около пары, занятой случкой. Молодой Рыжий рассказывал, как он и еще несколько человек на Трафальгарской площади обнаружили «педа», голубого. Они тут же напали на него, отняли 12 ш. 6 п — все, что у него было, — и потратили на себя. Видимо, считали, что это правильно — ограбить, раз он голубой.

Мы продвигались очень медленно, потому что Молодой Рыжий и еврей не привыкли много ходить и без конца останавливались в поисках объедков. Один раз еврей собрал с земли растоптанную жареную картошку и съел. Дело шло к вечеру, и мы решили идти не в Севеноукс, а к работному дому в Айд-Хилле: шотландцы сказали нам, что условия там лучше, чем обычно изображают. За милю до ночлежки мы остановились, чтобы выпить чаю, и помню, как джентльмен с машиной любезнейшим образом помог нам найти дрова для костра и каждому дал по сигарете. Потом мы пошли к ночлежке и по дороге наломали

жимолости в подарок коменданту⁸. Мы подумали, что он расположится к нам и позволит уйти завтра утром: по воскресеньям бродяг обычно не отпускают из ночлежки. Однако, когда мы пришли туда, комендант сказал, что должен задержать нас до утра вторника. Выяснилось: хозяин настаивает, чтобы каждый бродяга отработал один день, но и слышать не хочет о том, чтобы работали в воскресенье; в воскресенье должны отдыхать, трудиться — в понедельник. Молодой Рыжий и еврей решили остаться до вторника, а мы с Рыжим пошли ночевать на краю парка, около церкви. Холод был жуткий, но все же легче, чем накануне, потому что у нас было много дров и мы могли развести костер. На ужин Рыжий выпросил у местного мясника почти два фунта колбасы. Субботними вечерами мясники всегда очень щедры.

8. *Комендант*: чиновник, отвечающий за повседневную организацию и дисциплину в приюте для бродяг.

30.8.31

Утром нас застал и прогнал — но не очень грубо — священник, пришедший на утреннюю службу. Мы пошли дальше, через Севеноукс к Силу; встречный посоветовал нам попроситься на работу на ферме Митчелла тремя милями дальше. Мы пришли туда, но фермер сказал, что не может взять нас на работу: у нас нет жилья, а тут рыщут государственные инспекторы и следят, чтобы сборщики хмеля имели «надлежащее жилье». (Между прочим, эти инспекторы¹ в нынешнем году не дали получить работу на хмеле сотням безработных людей. Не располагая «надлежащим жильем» для сборщиков хмеля, фермеры могли нанимать только местных, у которых есть свой дом.) На одном из полей Митчелла мы украли примерно фунт малины, пошли дальше и предложили свои услуги фермеру по фамилии Кронк; он дал нам тот же ответ, но мы унесли пять или десять фунтов картофеля с его поля. Двинувшись в направлении Мейдстоуна, повстречались со старой ирландкой, которую Митчелл на работу взял потому, что у нее якобы есть жилье в Силе, хотя на самом деле не было. (Она спала у кого-то в садовом сарае. Пробиралась туда в темноте и уходила до рассвета.) В одном доме нам дали горячей воды, ирландка выпила с нами чаю и поделилась едой: ей давали лишнего. Мы были этому рады, у нас оставалось всего два с половиной пенса и почти ничего съестного. Начинался дождь, мы пошли на ферму возле церкви и попросили пустить нас в коровник. Фермер

¹ Назначены лейбористским правительством. [Примечание Оруэлла.]

с семьей собирались на вечернюю службу, и они возмущенно ответили, что, конечно, не могут нас пустить. Тогда мы устроились в крытых кладбищенских воротах, надеясь, что при виде грязных, усталых людей молящиеся поделятся несколькими медяками. Ничего нам не подали, но после службы Рыжий разжился у священника приличными фланелевыми брюками. В воротах было очень неудобно, мы промокли, табак кончился, а прошли мы двенадцать миль; но, помню, были веселы и все время смеялись. Ирландка (ей было шестьдесят лет, и, по-видимому, всю жизнь бродяжничала), необыкновенно веселая тетка, знала массу историй. Рассказывала, где ей приходилось ночевать: однажды холодной ночью забралась в свинарник и согрелась, прижавшись к старой свиноматке.

Стемнело, дождь не переставал, и мы решили поискать пустой дом для ночлега, но сперва пошли к бакалейщику и купили фунт сахара и две свечи. Пока я покупал, Рыжий украл с прилавка три яблока, а ирландка — пачку сигарет. Они придумали это заранее и мне об этом не сказали, чтобы использовать мой наивный вид как прикрытие. После долгих поисков нашли недостроенный дом и влезли через окно, не закрытое строителями. Спать на голом полу было дьявольски жестко, но все же теплее, чем на улице, и мне удалось два-три часа подремать. Поднялись еще до рассвета и, как условились, встретились с ирландкой в ближнем лесу. Шел дождь, но Рыжий умел развести костер чуть ли не в любых условиях, мы вскипятили чай и испекли картошку. Когда рассвело (1.9.31), ирландка отправилась на работу, а мы с Рыжим пошли к ферме Чамберса, в миле или двух, просить работу. Когда мы пришли на ферму, там в это время вешали кошку — ни о чем подобном я даже не слышал. Управляющий сказал, что, наверное, сможет дать нам работу, и велел подождать; мы прождали с восьми утра до часу, и в результате он сообщил, что работы для нас все-таки не нашлось. Мы ушли, навовав яблок и мелких черных слив, и двинулись по дороге на Мейдстон. Около трех остановились пообедать и сварили джем из украденной накануне малины. Где-то там, помню, в двух домах нам отказали в холодной воде, потому что «хозяйка не велит нам что-либо давать бродягам». Рыжий увидел неподалеку джентльмена с машиной, расположившегося поесть на природе, и пошел попросить у него спичек: у приехавших на пикник выгодно просить, сказал он, у них всегда остается что-то не съеденное. И в самом деле, джентльмен дал остаток сливочного масла и разговорился с нами. Он был так дружелюбен, что я забыл включить свой простонародный лондонский выговор. Он внимательно посмотрел на меня и сказал: как тяжело, должно быть, человеку моего

сорта... и т. д. Потом он сказал: «Слушайте, вас не обидит? Вы не против взять это?» «Это» был шиллинг, на него мы купили табаку и впервые за день закурили. За все наше путешествие нам впервые дали денег.

Мы шли в направлении Мейдстоуна, но не успели пройти двух-трех миль, как хлынул дождь, и левый башмак сильно натирал мне ногу. Я три дня не снимал башмаки, за последние пять ночей поспал хорошо если часов восемь, так что не готов был провести еще одну ночь на воздухе. Мы решили идти к работному дому в Уэст-Моллинге, до которого было миль восемь, и, если повезет, подсесть к кому-нибудь в машину. Мы сигналили, наверное, сорока грузовикам — никто нас не брал. Теперь водители боятся сажать, потому что такие пассажиры не застрахованы и в случае дорожного происшествия шофера выгонят с работы. В конце концов нас подобрали и высадили в двух милях от места; мы добрались туда в восемь вечера. Перед воротами нам встретился старый глухой бродяга, он собирался ночевать под проливным дождем: прошлую ночь он провел в работном доме, и, если явится опять, его задержат на неделю. Он сказал, что на ферме Блеста поблизости нам могут дать работу, а из работного дома выпустят, если скажем там, что работу уже нашли. Иначе нам придется задержаться на целый день или же «махнуть через стену», когда комендант не видит. Бродяги часто так делают, но пожитки надо припрятать снаружи, а в такой дождь — невозможно. Мы вошли, и оказалось (если Уэст-Моллинг типичен): работные дома заметно улучшились с тех пор, как я побывал в таком последний раз¹. В ванной было чисто и порядок, нам дали по чистому полотенцу. Но еда все та же: хлеб и маргарин; мы простодушно спросили, что такое мы пьем, чай или какао², чем вызвали гнев коменданта. У нас были кровати с соломенными тюфяками и много одеял, и оба спали как убитые.

Утром нам приказали работать до одиннадцати, убирать одну из спален. Как обычно, работа была чистой формальностью. (Я ни разу всерьез не работал в таком приюте и никогда не видел, чтобы кто-нибудь работал.) В спальне было пятьдесят тесно стоящих кроватей и висел теплый запах фекалий, от которого, кажется, нельзя избавиться ни в одной ночлежке. Там был слабоумный нищий, тяжеловес с маленьким рылоподобным личиком и кривой улыбкой. Он очень медленно опорожнял ночные горшки. Все работные дома похожи один на другой, и есть что-то отвратительное в их атмосфере. От одной мысли об этих

¹ Нет, пожалуй, чуть похуже стали. [Примечание Оруэлла.]

² Так до сих пор и не знаю. [Примечание Оруэлла.]

немолодых людях с серыми лицами, ведущих тихую, обособленную жизнь в запахе ватерклозета и практикующих гомосексуализм, мне становится тошно. Но передать то, что я чувствую, сложно — все это связано с запахом работного дома.

В одиннадцать нас отпустили, по обыкновению с ломтем хлеба и сыром, и мы отправились к ферме Блеста, за три мили; но добрались туда только к часу, остановившись по дороге, чтобы нагрести в саду мелких черных слив. Когда мы пришли на ферму, бригадир сказал, что ему нужны сборщики хмеля, и сразу послал нас в поле. У нас оставалось всего три пенса, и вечером я написал домой письмо с просьбой прислать мне десять шиллингов. Они пришли через два дня, и за это время нам было бы нечего есть, если бы нас не подкармливали другие сборщики. После этого почти три недели мы убирали хмель, и разные стороны этого дела я лучше опишу отдельно.

Х 2.9.31 до 19.9.31¹.....

Хмелю нужна опора — жерди или проволока футов в десять высотой; сажают его рядами, в ярде или двух один от другого. Сборщик должен просто сорвать плеть и собрать шишки в корзину, стараясь, чтобы туда не попали листья. На практике, конечно, этого избежать нельзя, опытные сборщики, чтобы увеличить объем, подкладывают столько листьев, сколько вытерпит фермер. Навыками сбора овладеваешь быстро; трудности — три: весь день стоишь (обычно мы проводили на ногах десять часов в день), тля и повреждение рук. От сока хмеля руки становятся черными, как у негра, смыть можно только илом², а через день или два кожа трескается, стебли своими колючками режут ладони. По утрам, когда порезы еще не открылись, руки причиняли мучительную боль, и даже сейчас, когда я это печатаю (10 октября), следы видны. Большинство людей, убирающих хмель, занимаются этим ежегодно с детства, работают с молниеносной быстротой и знают разные хитрости: например, встряхивают корзину, чтобы шишки легли более рыхло, и т. д. Успешнее всего работали семьи, где двое или трое взрослых обирали плети, а пара детей подбирала опавшие шишки и снимала со случайно оставленных стеблей. Законы о детском труде не принимаются в расчет, и детей гоняют почем зря. Женщина по соседству с нами, типичная

¹ Отрывок между косыми крестиками Х использован в статье для «Нэйшн». [Примечание Оруэлла.] Он занимает шесть абзацев.

² Или соком хмеля, как ни странно. [Примечание Оруэлла.]

старорежимная жительница Ист-Энда, понукала внуков, как рабов («Пошевеливайся, Роз, ленивая девчонка, подбирай живее. Смотри, доберусь до тебя, надеру задницу»), покуда дети, лет шести и десяти, не падали на землю и тут же не засыпали. Но работа им нравилась и, думаю, была не вреднее школы.

Что касается заработка, система оплаты была такая. Два или три раза в день собранное замеряют, и вам полагается определенная сумма (в нашем случае два пенса) за бушель¹. Хорошая плеть дает полбушеля шишек, и хороший сборщик может обобрать ее минут за десять, так что теоретически за шестидесятичасовую рабочую неделю можно заработать 30 шиллингов. Но на практике это невозможно. Во-первых, растения сильно разнятся. На некоторых шишки величиной с маленькую грушу, на других чуть ли не с горошину; плохие плети обирать дольше: они обычно сильнее перепутаны, иногда таких нужно пять или шесть, чтобы набралось на бушель. Потом всякого рода задержки, а за потерянное время сборщики не получают компенсации. Иногда идет дождь (тогда шишки становятся скользкими, их трудно снимать). Затем переход с поля на поле — тоже ожидание, потеря времени. А главное — вопрос измерения. Шишки мягкие, как губка, и мерщику, если захочет, легко утрамбовать бушель в кварту². Иногда он просто забирает собранное, а иногда по приказу фермера «утяжеляет» — утискивает шишки в корзине, так что из двадцати бушелей в коробе получается двенадцать или четырнадцать, т. е. потеря примерно в шиллинг. Об этом была песня, старуха из Ист-Энда с внуками пели ее постоянно:

Чертовы шишки!
 Чертовы шишки!
 Мерщик придет, все заберет,
 Гроби их с земли, в корзину клади,
 Мерить станет,
 Меры не знает,
 Чтоб им пусто было!

Из короба шишки перекладывают в десятибушелевые мешки, которые должны весить около ста фунтов; обычно их несет один человек. Но после «утяжеления» мешок приходится тащить уже двоим.

¹ Бушель — 36,37 л. — *Прим. пер.*

² Кварта — 1,14 л. — *Прим. пер.*

Из-за этих осложнений заработать в неделю 30 шиллингов или около того не получается. Любопытно, что очень немногие сборщики осознают, как мало они в действительности зарабатывают: сделная оплата не позволяет понять, насколько низки расценки. Самыми лучшими сборщиками в нашей бригаде была семья цыган, пятеро взрослых и ребенок: все они собирали хмель каждый год с тех пор, как научились ходить. За три недели без малого они заработали ровно £10: если не считать ребенка, примерно по 14 шиллингов в неделю каждый. Мы с Рыжим зарабатывали примерно по 9 шиллингов в неделю⁹, и сомневаюсь, что кто-нибудь мог заработать в неделю больше 15 шиллингов. При таких расценках работающая семья может себя прокормить и оплатить обратную дорогу до Лондона, а одиночке даже это едва ли удастся. На некоторых фермах поблизости платят шиллинг не за 6 бушелей, а за 8 или 9, так что заработать за неделю 10 шиллингов очень трудно.

При поступлении на работу ферма дает человеку отпечатанный список правил, превращающих сборщика в подобие раба. Согласно этим правилам, фермер может уволить его без предупреждения и по любому поводу и платить ему из расчета шиллинг за 8 бушелей, а не за 6, т. е. конфисковать четверть заработка. Если работник уходит до завершения уборки, плату урезают таким же образом. Ты не можешь получить свои деньги и уйти, потому что ферма никогда не даст тебе больше двух третей заработанного на сегодня, и, таким образом, она у тебя в долгу до последнего дня. Бригадир получает жалованье, а не сделно; в случае забастовки жалованье ему не идет, поэтому, естественно, он перевернет небо и землю, чтобы ее предотвратить. В общем, сборщики всегда будут в ярме, пока не объединятся в профсоюз. Но от организации толку будет мало, потому что половина сборщиков — женщины и цыгане — по глупости не могут оценить преимущества союза.

Что касается жилья, самым лучшим на ферме, как ни парадоксально, были заброшенные конюшни. Большинство из нас спали в сарайчиках из гофрированного железа шириной футов в десять, без стекол в окнах, со множеством дыр, в них дуло и залетал дождь. Мебелью в этих сараях служили кучи соломы и стеблей хмеля, и только. В нашем спали четверо, в некоторых — по семь-восемь человек, и это даже лучше — в сарае теплее. Спать на соломе скверно (ее продувает сильнее, чем сено); у нас с Рыжим было по одеялу, в первую неделю мучил холод, но потом мы натащили мешков и отогрелись. Ферма бесплатно давала дрова, но меньше, чем надо. Кран с водой в двухстах ярдах, уборная на таком же расстоянии, но настолько загаженная, что лучше бы прошел

милю, чем ею воспользоваться. Был ручей, где мы могли кое-что постирать, но попасть в сельскую баню было не легче, чем купить дрессированного кита.

Х Сборщиков хмеля можно разделить на три категории: жители Ист-Энда, в большинстве уличные торговцы, цыгане и мигрирующие сельскохозяйственные рабочие с небольшой добавкой бродяг. Мы с Рыжим были бродяги, и это вызывало сочувствие у более или менее благополучных работников. Одна семейная пара, торговец и его жена, отнеслись к нам как отец с матерью. Они были того типа люди, которые напиваются по субботам и без матерного слова не могут сказать ни одной фразы; при этом я не встречал людей более добрых и тактичных. Они без конца подкармливали нас. К нам в сарай приходил ребенок с тушеным мясом в кастрюле: «Эрик, мать хотела выбросить, но сказала — жалко. Не возьмете?» Выбрасывать, разумеется, они не собирались: просто не хотели, чтобы это выглядело милостыней. Однажды дали нам целую свиную голову, уже приготовленную. Эти люди не первый год ездили и сочувствовали нам. «А, знаю, каково это. Спать в сырой траве, а утром клянчить молочка для чашки чаю. Двое из моих ребят родились в дороге». И т. д. Еще один человек, помогавший нам, был рабочим на бумажной фабрике. До этого он работал в санитарной службе ресторанной сети «Лайонс» и рассказал мне, что грязь и количество грызунов в кухнях «Лайонса», даже в главном офисе Кадби-холла, превосходили всякое воображение. Когда он работал в их ресторане на Трогмортон-стрит, крыс было столько, что ночью появляться на кухне было небезопасно; приходилось носить револьвер¹⁰. Пообщавшись несколько дней с этими людьми, я решил, что хватит напрягаться, изображать кокни, и они заметили, что я говорю «по-другому». Как обычно, это еще больше расположило их ко мне: они, должно быть, думали, что такому, наверное, особенно тяжело «очутиться на дне».

Из приблизительно двухсот сборщиков пятьдесят или шестьдесят были цыгане. Они чем-то похожи на крестьян Востока — такие же тяжелые лица, туповатые и одновременно хитрые, так же, как сами они, скептики в своих делах и поразительно невежественны в остальном. Большинство не умеют прочесть ни слова, а их дети, видимо, никогда не ходили в школу. Один цыган лет сорока задавал мне такие вопросы: «От Парижа далеко до Франции?», «Сколько дней езды отсюда до Парижа?» и т. п. Двадцатилетний парень по десять раз на дню загадывал такую загадку: «Сказать тебе, чего ты не сможешь сделать?» — «Чего?» — «Почесать комару жопу телеграфным столбом». (Под оглушительный

смех слушателей.) Цыгане, кажется, вполне богаты, у них крытые повозки, лошади и т. д.; при этом они круглый год кочуют с работы на работу и копят деньги. Они говорили, что наш образ жизни (в домах и т. д.) для них противен, и объясняли, как ловко уклонялись от армии во время войны. Когда разговариваешь с ними, кажется, будто говоришь с людьми из другого века. Я часто слышал от них такое: «Если бы знал, где то-то и то-то, гнал бы за этим на лошади, пока последняя подкова не слетит» — метафора не из двадцатого века. Однажды цыгане беседовали о знаменитом конокраде Джордже Бигланде, и один, защищая его, сказал: «Не думаю, что Джордж такой плохой, как вы изображаете. Я знаю, что он крал лошадей у горджио (не цыган), но никогда не дойдет до того, чтобы красть у нас».

Цыгане называют нас «горджио», а себя — «рома», прозвище у них — «дидикай» (не уверен в написании). Все они знают язык романи и время от времени вставляли несколько слов, когда не хотели, чтобы их разговор поняли. Заметил у цыган любопытную особенность (не знаю, повсюду ли у них так): часто видишь семью, где все совершенно не похоже друг на друга. Это как будто бы подтверждает слухи о том, что цыгане воруют детей; но причина скорее в другом: как говорится, «умное дитя знает, кто его папа».

В нашем сарайчике жил старый глухой бродяга, с которым мы познакомились по дороге к Уэст-Моллингу, его так и звали: Глухой. По разговору он напоминал тетушку мистера Ф.¹¹, а выглядел как персонаж с рисунков Джорджа Белчера¹², но человек был умный, неплохо образованный и, без сомнения, не стал бы бродягой, если бы не глухота. Для тяжелой работы у него не было сил, и он годами перебивался разными заработками вроде уборки хмеля. По его подсчетам, он побывал больше чем в четырехстах разных ночлежках. Остальные двое, Барретт и человек из нашей бригады, Джордж, были типичными сельскохозяйственными рабочими-мигрантами. Последние годы у них был постоянный круговой маршрут: ранней весной, в период ягнения, работа в овчарне, потом уборка гороха, клубники, разных фруктов, хмеля, копка картофеля, турнепса и сахарной свеклы. Они редко остаются без работы дольше чем на одну-две недели и за это время успевают проесть все заработанное. Они пришли на ферму Блеста без гроша, и я точно видел, что один день у Барретта крошки не было во рту. Что приносили им труды: одежду, в которой ходят, солому, на которой спят круглый год, и харч — хлеб, сыр, бекон. Да еще, наверное, возможность раза два за год хорошенько выпить. Джордж был унылый тип, он с какой-то жалкой гордостью относился

к тому, что недоедает, работает сверх сил и вынужден все время переходить с одной работы на другую. И песня у него была такая: «Таким, как мы, не по чину думать об умных вещах». (Он не умел ни писать, ни читать и, кажется, вообще считал грамотность блажью.) Я с этой философией хорошо знаком: часто слышал ее от судомоев в Париже¹³. Барретт, которому было шестьдесят три года, часто сетовал на плохую еду в наше время — по сравнению с тем, что было в молодости: «Тогда мы не жрали чертов хлеб с маргарином, с пустым пузом не ходили. Телячье сердце. Пельмени с беконом. Кровяная колбаса. Голова свиная». Мечтательный, ностальгический тон, каким он произнес: «Голова свиная», говорил о десятилетиях, прожитых впроголодь.

Кроме этих обычных сборщиков, были такие, которых называли «домашними», — местные, занимавшиеся уборкой хмеля от случая к случаю, больше для развлечения. Обычно фермерские жены или кто-то из домочадцев, и, как правило, они и пришлые терпеть не могли друг друга. Но была там и очень славная женщина, она подарила Рыжему пару башмаков, а мне прекрасный пиджак с жилетом и две рубашки. Большинство же местных смотрели на нас как на грязь; лавочники вели себя пренебрежительно, хотя мы сообща оставили в деревне, наверное, несколько сотен фунтов.

За уборкой хмеля один день почти не отличается от другого. Без четверти шесть утра мы выползали из соломы, надевали пальто и башмаки (во всем остальном спали), выходили наружу, разводили огонь — дело непростое, в этом сентябре то и дело шел дождь. К половине седьмого заваривали чай, поджаривали хлеба на завтрак и шли на работу, захватив бутерброды с беконом и жестяной котелок с холодным чаем для обеда. Если не было дождя, работали без перерыва примерно до часа, потом разводили костер среди стеблей, грели чай и полчаса отдыхали. Потом опять за работу до половины шестого, а пока вернешься домой, отмоешь с рук сок хмеля, выпьешь чаю, уже стемнеет и сон валит с ног. Но часто по ночам ходили воровать яблоки. Поблизости был большой сад, и втроем или вчетвером мы регулярно его грабили, набирали в мешок фунтов пятьдесят яблок и несколько фунтов лещины. По воскресеньям стирали в ручье носки и рубашки и остаток дня спали. Сколько помню, я ни разу за все время не разделся полностью, ни разу не почистил зубы и брился только два раза в неделю. Работа, приготовление еды (а это означало без конца таскать жестянки с водой, сражаться с намокшим хворостом, жарить на жестяных крышках и т.д.) не оставляли, кажется, ни минуты свободной. За все время я читал только одну книжку, все про того же

Буффало Билла. Подсчитав наши расходы, я нашел, что мы с Рыжим тратили на еду примерно по пять шиллингов в неделю, и нет ничего удивительного, что нам постоянно не хватало табаку и мы постоянно испытывали голод, несмотря на краденые яблоки и подачки от других. Мы без конца считали фартинги¹, решая, можно ли позволить себе еще полунции табака-горлодера или на два пенса бекона. Жизнь была не так уж плоха, но целый день на ногах, ночлег в соломе, исколотые в решето руки — к концу я чувствовал себя развалиной. Унизительно было видеть, что большинство людей здесь относились к уборке хмеля как к каникулам или отдыху — потому сборщикам и платят по-нищенски, что их работа считается отдыхом. Это дает представление о жизни сельскохозяйственных рабочих: по их меркам, уборку хмеля и работой-то трудно считать.

Как-то ночью к нам постучался парень и сказал, что он новый рабочий и ему велено ночевать у нас. Мы впустили его и накормили утром, после чего он исчез. Видимо, он был не сборщик, а бродяга, и в сезон уборки хмеля бродяги часто пускаются на такую хитрость, чтобы переночевать под крышей. Другой ночью пришла женщина — она собралась домой и попросила меня поднести ее багаж к станции Уотеринг-бери. Она не доработала до конца срока, и ей заплатили из расчета шиллинг за восемь бушелей, так что заработка хватило только на то, чтобы доехать с семьей до дома. Я вез детскую коляску с кривым колесом, нагруженную громадными свертками, — в темноте, две или три мили, в сопровождении галдящих детей. Когда добрались до станции, как раз подъезжал последний поезд, и, заторопившись, я на переезде коляску опрокинул. Никогда не забуду этих секунд: поезд надвигается, а мы с носильщиком гонимся за жестяным ночным горшком, который катится между рельсами. Несколько раз по ночам Рыжий уговаривал меня пойти с ним ограбить церковь — и отправился бы один, если бы я не вбил ему в голову, что подозрение непременно падет на него, поскольку известно его уголовное прошлое. Церкви ему приходилось грабить, и, к моему удивлению, он сказал, что в ящике для пожертвований бедным обычно есть чем поживиться. Раза два были у нас вечеринки по субботам: сидели до полуночи вокруг большого костра и жарили яблоки. Помню, в одну из таких ночей выяснилось, что из полутора десятков людей у костра один я ни разу не сидел в тюрьме. По субботам в городке случались и бурные сцены: те, кто был при деньгах, крепко напивались, и выводить их из пивной приходилось полиции. Не сомневаюсь, что местные считали нас грубой, противной публикой, но я не мог

¹ Фартинг — четверть пенса. — *Прим. пер.*

отделаться от мысли, что это вторжение лондонского простонародья раз в году вносит приятное разнообразие в скучную жизнь городка.

9. *По 9 шиллингов в неделю*: £18 по нынешним ценам гораздо меньше теоретических тридцати шиллингов (нынешних £60), о которых говорилось выше.

10. В первом издании 1968 г. имена опущены.

11. *Тетушку мистера Ф.*: тетушка покойного мужа Флоры Финчинг в романе Диккенса «Крошка Доррит». Она осталась на попечении Флоры и звалась просто «тетушкой мистера Ф.». Характеризуется она таким образом: «Характер тетушки мистера Ф., как это сразу бросалось в глаза постороннему наблюдателю, отличался крайней суровостью и угрюмой молчаливостью, последней она лишь время от времени изменяла, отпуская зловещим низким голосом замечания, которые, не имея ни прямой, ни косвенной связи с предметом общего разговора, огорошивали и пугали собеседника». Одно место могло особенно запомниться Оруэллу, в детские годы жившему в Хэнли-на-Темзе: «Тетушка мистера Ф. десять минут молча косилась на всех с угрюмой враждебностью, после чего мрачно изрекла следующее: “Когда мы жили в Хэнли, медник украд у Барнсов гусака”» (гл. 13).

12. *Джордж Белчер* (1875–1947) — член Королевской академии искусств. Среди его альбомов с рисунками — «Характеры» (Characters, 1922), «Из жизни» (Taken from life, 1929) и «Жареный голец» (Potted Char, 1933).

13. *Судомоев в Париже*: Оруэлл в 1929 году работал судомоем (plongeur); см. книгу «Фунты лиха в Париже и Лондоне», опубликованную в 1933, через два года после эпизода с уборкой хмеля.

19.9.31

В последнее утро, когда убрали последнее поле, была странная игра: ловили женщин и клали в короба. Наверное, что-то может быть об этом в «Золотой ветви»¹⁴. По-видимому, это старинный обычай, и у всех жнецов есть обычай в таком роде. Неграмотные или почти неграмотные приносили мне и другим «ученым» свои расчетные книжки, чтобы проверить правильность расчетов, и иногда платили за это парой медяков. Я обнаружил, что кассиры фермы нередко делают ошибки в сложении — и непременно в пользу фермы. Сборщики, конечно, получали причитающееся, когда жаловались, но, если соглашались с подсчетами кассиров, оставались в накладе. Кроме того, у фермы было подленькое правило: если хочешь оспорить расчет, то должен ждать, пока не рассчитаются со всеми остальными. Это означало ждать до второй половины дня, а некоторым надо было успеть на автобус домой, и они не получали положенного. (Конечно, в большинстве случаев речь шла о нескольких пенсах. Но одной женщине недоплатили больше фунта.)

Мы с Рыжим собрали пожитки и отправились в Уотерингбери, чтобы сесть в поезд со сборщиками хмеля. По дороге остановились, чтобы

купить табаку, и, прощаясь с Кентом, Рыжий очень ловким приемом обманул продавщицу на четыре пенса. Когда мы пришли на станцию, там уже ждали поезда человек пятьдесят сборщиков, и первым, кого мы увидели, был наш Глухой — он сидел на траве, расстелив на ногах газету. Он отвел ее в сторону, и мы увидели, что сидит он со спущенными штанами и показывает проходящим женщинам и детям член. Я был удивлен — такой все-таки приличный старик; но редко встретишь бродягу без какого-нибудь сексуального извращения. Поезд сборщиков хмеля стоил на девять пенсов дешевле обычного и вез нас в Лондон — тридцать миль — почти пять часов. Около десяти вечера сборщики высыпали из вагонов на вокзале Лондон-бридж, многие пьяные, все с пучками хмеля; люди на улице охотно покупали их, не понимая зачем. Глухой, ехавший в одном вагоне с нами, пригласил нас в ближайший паб и поставил каждому по пинте — первое мое пиво за три недели. Потом он пошел в Хаммерсмит и, без сомнения, будет бродяжничать до сезона сбора фруктов в следующем году.

Разобравшись с нашими расчетными книжками, мы с Рыжим установили, что за 18 дней заработали всего по 26 шиллингов. По 8 шиллингов мы получили авансом («кормовых», как их называют) и заработали еще по шесть продажей краденых яблок. После покупки билетов до Лондона у обоих осталось примерно по 16 шиллингов. Так что и в Кенте мы себя прокормили, и вернулись не с пустыми карманами. Но удалось это только потому, что во всем себя ограничивали.

14. «Золотая ветвь. Исследование магии и религии» сэра Джеймса Фрэзера (1854–1941). В 1890 г. — двухтомник, в 1906–1913 — двенадцать томов.

19.9.31–8.10.31

Мы с Рыжим пошли в ночлежку на Тули-стрит, хозяйин ее, Лу Ливи, держит еще одну на Вестминстер-Бридж-роуд. Стоит всего семь пенсов за ночь, и за семь пенсов в Лондоне лучшей, возможно, не найти. В постелях клопы, но немного, в кухнях, пусть темных и грязных, достаточно плит и горячей воды. Жильцы были из самых низов — по большей части неквалифицированные рабочие-ирландцы, притом безработные. Среди них попадались занятные типы. Один — ему было шестьдесят восемь лет — таскал ящики с рыбой (они весят сто фунтов) на Биллинггейтском рынке. Он интересовался политикой и рассказал мне, что участвовал в беспорядках Кровавого воскресенья 88 года¹⁵ и в тот же день был принят на должность временного констебля. Другой старик, продавец

цветов, был сумасшедший. По большей части он вел себя совершенно нормально, но во время припадков ходил взад-вперед по кухне, издавая жуткие звериные крики с выражением муки на лице. Интересно, что припадки у него случались только в дождливую погоду. Еще один был вором. Он крал с прилавков в магазинах и из автомобилей на стоянках, особенно из машин коммивояжеров, и продавал украденное еврею на улице Кат в Ламбете. Каждый вечер можно было наблюдать, как он прихорашивается перед походом «на Запад». Он сказал мне, что может рассчитывать на £2 в неделю, а время от времени и на большую поживу. Он умудрялся подчистить кассу какой-нибудь пивной почти каждое Рождество и уносил 40–50 фунтов. Воровал он уже много лет, а попался всего раз — и то был отпущен под честное слово. Как всегда, по-видимому, у воров, труд его приносил ему мало пользы: большую добычу он немедленно спускал. Лицо у него было гнусное, такие мне редко встречались, как у гиены; при этом он располагал к себе, всегда готов был поделиться едой, всегда расплачивался с долгами.

Несколько раз по утрам мы с Рыжим помогали грузчикам на Биллингсгейте⁶. Приходите туда к пяти утрам и стойте на углу одной из улиц, ведущих от Биллингсгейта к Истчипу. Когда у грузчика начинаются на подъеме трудности с тележкой, он кричит: «В гору!» — вы подбегаете (тут, конечно, большая конкуренция) и толкаете тележку сзади. Плата — «два пенса за подъем». Если надо везти четыреста фунтов, такой толкатель нужен; рукам и ногам достается как следует, но по-настоящему устать не успеваешь, потому что такой работы немного. Пробыв там с пяти до полудня, я ни разу не зарабатывал больше шиллинга и шести пенсов. Если повезет, грузчик берет тебя на день постоянным помощником, и тогда получаешь четыре шиллинга и шесть пенсов за утро. Сами грузчики, по-видимому, зарабатывают в неделю от £4 до £5. О Биллингсгейте надо заметить следующее. Во-первых, из-за того, что нет централизованной транспортной системы, делается огромное количество совершенно ненужной работы. Доставка тонны рыбы с рынка на железнодорожные станции грузчиками, тачечниками и их помощниками обходится приблизительно в £1. Если бы это делалось организованно, на грузовиках, то стоило бы, думаю, несколько шиллингов. Во-вторых, пивные на Биллингсгейте открыты в такие часы, когда другие пивные не работают. И наконец, грузчики на рынке торгуют краденой рыбой, если знаешь кого-нибудь из них, можно купить ее за гроши.

Проведя в ночлежке недели две, я спохватился, что ничего не пишу и сама она стала действовать мне на нервы: шум, невозможность побыть

одному, духота и жара в кухне, а главное — грязь. В кухне стояла сладковатая рыбная вонь, раковины полны протухших рыбьих потрохов и страшно смердят. Еду приходится хранить в темных углах, населенных черными жуками и тараканами, всюду тучи мерзких ленивых мух. Спальня тоже была отвратительна — несмолкающий кашель и харканье, у всех в ночлежке хронический кашель (несомненно, из-за плохого воздуха). Мне надо было написать несколько статей, но в таких условиях это было невозможно — я написал домой, чтобы прислали денег, и снял комнату на Виндзор-стрит, поблизости от Харроу-роуд. Рыжий снова отправился странствовать. Большая часть этого повествования написана в библиотеке района Бермондси, там хорошая читальня и было недалеко от ночлежки.

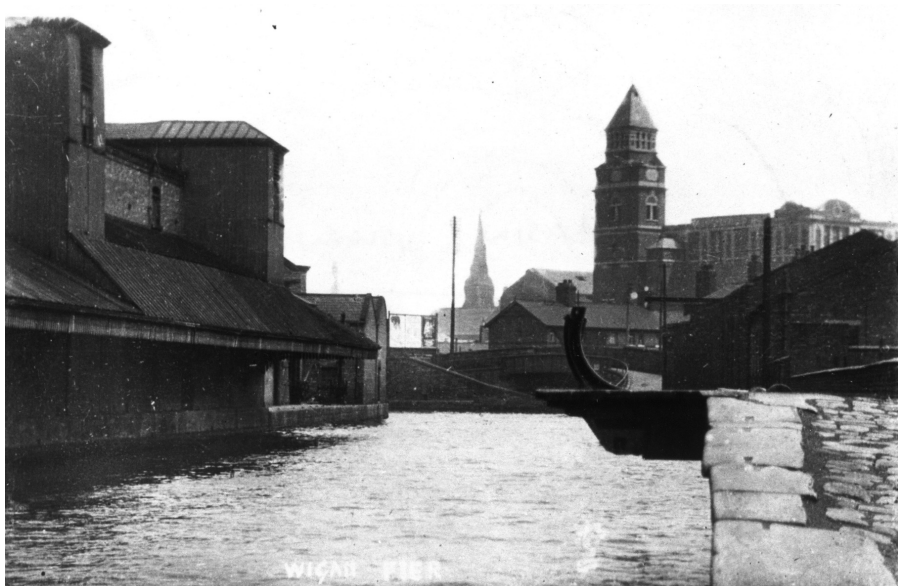
15. *Кровавое воскресенье*: демонстрация и беспорядки в Лондоне 13 ноября 1887 года (не 1888-го). Около десяти тысяч протестующих пришли на Трафальгарскую площадь, где перед ними выступали ораторы (в том числе Джордж Бернард Шоу). Они протестовали против положения в Ирландии и требовали освободить члена парламента Уильяма О'Брайена. Им противостояли около двух тысяч полицейских и четыре сотни солдат (хотя солдаты не пользовались штыками и не стреляли).

16. *Биллинггейт*: рыбный рынок (Трафальгар-уэй, Лондон). На нем работало больше пятидесяти торговцев, по большей части продавалась рыба, но также птица и другие продукты (например, картофель). В наши дни он работает со вторника по субботу с пяти до восьми утра; по воскресеньям с шести до восьми утра один торговец продает морепродукты.

ДОРОГА НА УИГАН-ПИРС

ДНЕВНИК

31 января 1936 — 25 марта 1936

Второго декабря 1943 года Оруэлл принял участие в трансатлантической радиопередаче «Отвечаем на ваши вопросы». Его спросили об Уиган-Пирсе. Вот его ответ:

Боюсь, я должен сказать вам, что Уиган-Пирс не существует. Я специально поехал, чтобы увидеть его, в 1936 году — и не смог его найти. Но когда-то он существовал и, судя по фотографиям, длиной был около двадцати футов.

Уиган расположен посреди горнопромышленного района, и, хотя в некоторых отношениях это очень приятное место, живописным его не назовешь. Пейзаж его — терриконы, подобные горам на Луне, грязь, сажа и т. д. Уиган ничем не хуже полусотни других мест, но почему-то его всегда клеймят как символ уродства индустриальной зоны. Когда-то на одном из илистых каналов, что проходят через город, была ветхая деревянная пристань; кто-то в шутку назвал ее Уиган-Пирсом. Шутка разошлась по городу, ее подхватили комики мюзик-холлов, и благодаря им Уиган-Пирс стал притчей во языцех, хотя сам причал был давно разрушен (CW, XVI, p. 11).

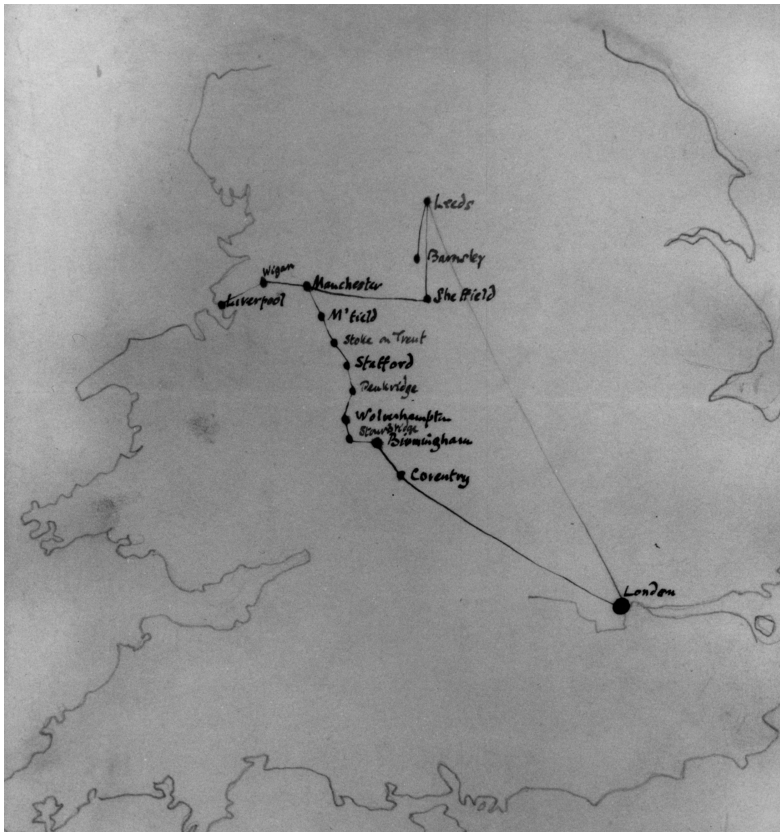
Дневник

31 января 1936 — 25 марта 1936

Оруэлл написал несколько вариантов будущей книги «Фунты лиха в Париже и Лондоне», поменяв порядок событий (первоначально лондонская часть предшествовала парижской); в результате книгу отвергли издательство «Джонатан Кейп» и Т.С. Элиот, главный редактор издательства «Фейбер и Фейбер» (так же, как впоследствии оба отвергнут «Скотный двор»). Оруэлл отказался от дальнейших попыток. Однако его приятельница миссис Синклер Фирз послала рукопись человеку, который станет в дальнейшем литературным агентом Оруэлла, — Леонарду Муру из агентства «Кристи и Мур». Мур убедил Виктора Голланца издать книгу. Оруэлл хотел опубликовать ее анонимно, во-первых, потому, что его экскурсия «на дно» могла расстроить родителей, а во-вторых, как он признался своему другу сэру Ричарду Ризу (редактору журнала «Адельфи», с которым сотрудничал), он испытывал суеверный страх, что, если его настоящее имя появится в печати, какой-нибудь враг может «навести на него порчу». Но Голланц очень хотел, чтобы автор был указан, и в конце концов Оруэлл предложил несколько имен, среди них — «Джордж Оруэлл». В некоторых других ситуациях и для друзей он останется Эриком Блэром, но с этого времени его сочинения, кроме некоторых текстов для Би-би-си, будут выходить под именем «Джордж Оруэлл». «Фунты лиха в Париже и Лондоне» Голланц выпустил 9 января 1933 года, и через шесть месяцев книга вышла в Нью-Йорке.

С апреля 1932 года по июль 1933-го Оруэлл преподавал в частной школе для мальчиков 11–16 лет «Готорнс» в Хэйсе, Мидлсекс. К Рождеству 1932 года он написал для учеников пьесу «Карл II». Осенью 1933 года он преподавал в школе чуть получше — в колледже «Фрейз». Но в декабре заболел пневмонией и оставил преподавание. С января по октябрь 1934 года он жил с родителями в Саутуолде. «Дни в Бирме» сначала были опубликованы в Нью-Йорке (25 октября 1934 года), а затем — с изменениями, чтобы застраховать автора от обвинений в клевете, — Виктором Голланцем 24 июня 1935 года. В Саутуолде он написал «Дочь священника» (издана 11 марта 1935 года и в Нью-Йорке 17 августа 1936-го). С октября 1934 года до января 1936-го Оруэлл работал на неполной ставке продавцом книжного магазина в Хэмпстеде. За это время он написал «Да здравствует фикус!», где герой, начинающий поэт, работает в книжном магазине.

Оруэлл отправился в Уиган 31 января 1936 года; в тот же день он сделал первую запись в дневнике и написал Виктору Голланцу. Юрист Голланца Гарольд Рубинстайн (тоже писатель, драматург и критик) желал удостовериться, что рекламное объявление, данное Оруэллом в «Да здравствует фикус!», не было «основано ни на каком реальном или узнаваемом объявлении». Заверив его в этом, Оруэлл ошибочно заключил, что все возможные вопросы относительно клеветы или диффамации решены и можно отправлять книгу в набор, а самому ему — заняться следующей работой: изучить, по предложению Голланца, условия жизни в так называемом «районе экономического бедствия» на севере Англии. По недоразумению считалось, что Оруэллу было выдано авансом £500 для поездки на север. Как установлено теперь, это предположение было ошибкой. Кроме того, оно находится в противоречии с тем общеизвестным фактом, что Голланц никогда не выдавал своим авторам крупных авансов.

Нарисованная Оруэллом эскизная карта его путешествия на север

Его нищенское существование во время этой экспедиции свидетельствует о том, что финансовой поддержки у него почти не было. Недавно Дж. Д. Тейлор установил, что даже 29 октября 1936 года Виктор Голланц в письме литературному агенту Оруэлла Леонарду Муру утверждал, что не знает, над чем работает Оруэлл. А Оруэлл к этому времени почти закончил книгу «Дорога на Уиган-Пирс».

В работе над книгой Оруэлл использовал свои дневники, но, кроме того, изучал значительное количество источников — многие из этих документов сохранились. Репринты этих материалов и другие данные можно найти в 10-м томе Полного собрания сочинений Оруэлла (CW, X, pp. 538–584). Возможно, Оруэлл печатал дневник, будучи на севере: при нем была машинка, на которой он писал письма. Машинопись дневника состоит из двух частей с отдельной нумерацией (с. 1–36 — с 31 января по 5 марта включительно; с. 1–25 с заглавием «Дневник» — за оставшийся период). Так что напечатан дневник, по крайней мере его вторая часть, возможно, был позже, и возможно, что часть исходного — рукописного — текста перепечатала жена Оруэлла Эйлин. В машинописном варианте есть изменения по сравнению с рукописью; здесь отмечены лишь самые существенные. Мелкие ошибки исправлены без комментариев.

Оруэлл приводит детали своих расходов по дороге на север и во время пребывания там. Даются они, конечно, в «старых деньгах», когда цены были гораздо ниже сегодняшних. Для удобства: в шиллинге было 12 пенсов, в фунте — 20 шиллингов (т. е. фунт равнялся 240 пенсам). Два полпенни составляли пенс, фартинг равнялся четверти пенса. Дать сегодняшний эквивалент ценам 1936 года (т. е. спустя семьдесят лет) трудно, но в грубом приближении тогдашние цены можно умножить на 40. Однако надо иметь в виду, что это лишь оценка в среднем: на некоторые товары цены выросли многократно больше, чем в сорок раз, а на некоторые — меньше.

Примечания либо следуют за днем, к которому они относятся, либо включены в удобное место дневниковой записи этого дня. Примечания Оруэлла отмечены символами (которыми пользовался он сам); примечания составителя — цифрами.

31.1.36

Поездом в Ковентри, по плану. Пансион «ночлег и завтрак», паршивый, 3 ш. 6 п. В холле сертификат в рамке, удостоверяющий, что (Джон Смит) удостоен ранга Primo Buffo¹. В комнате две кровати; одному за комнату — 5 ш. Запах, как в обычных ночлежках. Слабоумная служанка с громадным телом, маленькой головой и валиками жира на затылке, странно напоминающими ветчину.

1. *Primo Buffo*: премьер в комической опере.

1.2.36

Паршивый завтрак с йоркширским коммивояжером. Прошел 12 миль до окраины Бирмингема; сел в автобус до Булл-Ринга (очень похож на рынок в Норидже), приехал в час дня. Ланч в Бирмингеме и автобусом до Стоурбриджа. Прошел 4–5 миль до молодежного хостела в Кленте. Почва везде красная. Яркие зяблики, снегири и самцы куропаток тихонько токуют. Кроме деревни Мериден², между Ковентри и Бирмингемом редко увидишь приличный дом. К западу от Бирмингема на холмах обычная деревенская цивилизация. Весь день то и дело дождь.

Пройдено 16 миль. Расходы на транспорт 1 ш. 4 п. На еду 2 ш. 3 п.

2. *Мериден*: традиционно считается центром Англии. Здесь установлен памятник мотоциклистам, погибшим на Первой мировой войне.

2.2.36

Уютная ночевка в хостеле, я один на весь дом. Одноэтажное здание с огромной коксовой печью жарко натоплено. Плата — 1 ш. за кровать, 2 п. — за печь, пенсы в газовый счетчик за готовку. В хостеле продается хлеб, молоко и т. д. Нужен свой спальный мешок, но одеяла, матрас и подушки выдаются. Утомительный вечер: пришел сын коменданта и, вероятно, из любезности предложил сыграть в пинг-понг — под конец я едва держался на ногах. Утром долгий разговор с комендантом: держит домашнюю птицу, коллекционирует стеклянную и оловянную посуду. Рассказал, как во Франции, в 1918 году, двигаясь за отступавшими немцами, наградил ценнейшего стекла, но оно было обнаружено и, в свою очередь, отнято дивизионным генералом. Показал мне очень интересные японские картинки с явными следами европейского влияния — отцовские трофеи какой-то морской экспедиции года 1860-го.

В 10 утра отправился пешком до Стоурбриджа, сел в автобус до Вулверхемптона, бродил по местным трущобам, поел и прошел 10 миль до Пенкриджа. Вулверхемптон кажется страшноватым местом. Панорамы убогих домишек, все еще окутанных ползучим дымом, хотя день воскресный, а вдоль железной дороги громадные валы глины и конические дымоходы — вереницы «гончарных труб»³. Пешком от Вулверхемптона до Пенкриджа, утомительно, всю дорогу под дождем. Обычная